

УДК 398.21:393:398.4

Соляник Ольга Евгеньевна

Доцент кафедры «Русский язык»

Московский государственный технический университет
имени Н. Э. Баумана (Национальный исследовательский университет):
Российская Федерация, Москва, e-mail: s_helga@inbox.ru

БАБА-ЯГА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ. ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «ЯГА»

В статье рассматривается образ Бабы-яги как духа смерти. Приводятся отличительные черты персонажа. Дается понятие обряда инициации. Также анализируется понятие «яга» и раскрывается этимология данного слова.

Ключевые слова: русская народная волшебная сказка, инициация, Баба-яга, смерть, жертва, иной мир.

Olga E. Solianik

Docent at the Department of Russian Language
The Bauman Moscow State Technical University;
Russian Federation, Moscow

BABA-YAGA IN THE RUSSIAN FOLK FAIRY TALE. ETYMOLOGY OF THE WORD “YAGA”

Abstract. *The article considers the image of Baba-yaga as the spirit of death. The distinctive features of the character are given. The concept of initiation rite is given. The concept of «yaga» is also analyzed and the etymology of the word is revealed.*

Key words: *Russian folk fairy tale, initiation, Baba-yaga, death, sacrifice, another world.*

Для цитирования:

Соляник, О. Е. Баба-яга в русской народной волшебной сказке. Этимология слова «яга» // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3. С. 103–107.

Цель данной статьи — проанализировать образ наиболее распространённого персонажа русской народной волшебной сказки — Бабы-яги и обратить особое внимание на само имя этого персонажа, поговорить об этимологии слова «яга». Данная тема исследуется многими учеными, и

интерес к изучению русской народной сказки не ослабевает. В статье автором предложено посмотреть на давно известного персонажа русской сказки в свете прямой связи его с посвятительным обрядом, так называемым обрядом инициации, и акцентировать внимание на слове «яга» также с точки зрения обряда. Именно здесь можно отметить некоторую новизну взгляда на данный вопрос.

Любой фольклорный текст является отражением сознательного и (чаще) подсознательного уровней миропонимания. В фольклорных текстах (мифе, сказке и т. п.) мы встречаем следы общечеловеческих воззрений и верований, идущих из глубокой древности. Одной из определяющих языческого мировоззрения была тайна смерти и загробного существования. «Многочисленные образцы этого первобытного предания (мифы и сказки) распространены по всему миру. Уже из самого их числа, а также из разнообразия фабулы и деталей, в которых находит выражение основная мысль, следует, что на заре истории представление о пребывающей вне тела душе обладало непоколебимой властью над умами людей. Ведь народные сказки являются слепком с мира в том виде, в каком он существовал в сознании первобытных людей», — писал Дж. Фрэзер в своем труде «Золотая ветвь» [9, с. 741]. Уже в первобытном обществе существовало мнение, что смерть — это всего лишь разлука души с телом. С темой смерти тесно связана система посвятительных обрядов (так называемых обрядов инициации). «Посвящение, или инициация (от лат. *initio* — «начинать, посвящать, вводить в культовые таинства», или *initiatio* — «совершение таинств, мистерий») представляет собой переход индивида из одного статуса в другой» [4, с. 543]. Обряд инициации включает в себя символическую временную смерть, в продолжение которой посвящаемый переходит в иной мир и вступает в контакт с духами. Этот контакт открывает человеку путь для возвращения, «воскрешения» уже в новом качестве. Иномирие представляется как посещение героем «иног царства», добывание там ритуальных предметов, познания тайн и т. п.; временную смерть может символизировать пожирание (проглатывание и последующее выплёвывание чудовищем) героя и др. В. Я. Пропп в монографии «Исторические корни волшебной сказки», исследуя структуру обряда инициации, накладывает её на тексты русских народных сказок, вернее, на их общую сюжетную схему, доказывает сходство между сказкой и обрядом и делает вывод о том, что сказка есть позднейшая интерпретация обряда.

Поскольку центральным моментом обряда инициации являлась «смерть» посвящаемого и контакт с властелином ирреального мира (что чётко отражено в волшебной сказке), рассмотрим один из наиболее часто встречающихся образов божеств смерти. Олицетворением смерти и

одновременно её властительницей выступает Баба-яга — очень древний персонаж, уходящий своими корнями в эпоху матриархата и поклонения людям женскому предку-тотему. В. Я. Пропп выделяет три образа Яги, или три типа данного персонажа [6, с. 36]: 1) Ягу-дарительницу, **лежащую в тесной избушке**: «На печке лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос» («Иван меньшей-разумом большой») [5]; 2) Ягу-пожирательницу (или похитительницу): «... Баба-яга, костяная нога, ноги из угла в угол, губы на полке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит» («Финист-ясный сокол») [Там же] и 3) Ягу-воительницу, летающую **в ступе**: «Бросилась баба-яга в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает» («Марья Моревна») [Там же].

Ю. С. Степанов подробно исследует этимологию слова «яга» и относит это понятие к праславянскому «яга — персонифицированное 'удушье, кошмар'». Сходные по звучанию слова в других славянских языках, сербохорватском, чешском и некоторых других, означают также «злые» понятия, а именно «ужас, страх, злая баба, ведьма» и т. п. [8, с. 87].

Нахождение Бабы-яги, избушка которой обычно располагается на опушке дремучего леса или в чаще дремучего леса, свидетельство пограничья двух миров, специфично отражённых в хронотопе сказки. Дремучий лес выявляется границей между «нашим» реальным миром (т. е. миром живых) и потусторонним миром ирреальности (миром мёртвых). К этому же выводу приходит и Ю. С. Степанов: «Избушка Бабы-яги — о двух входах, она — переход из одного пространства в другое» [там же, с. 90]. Тесноту же «дома» Бабы-яги можно объяснить тем, что он есть гроб. Из этого следует, что Баба-яга — мертвец, труп в тесном гробу (= последнем, вечном доме). Портретные чрезвычайно специфичные отличительные черты данного персонажа (костяная нога, сама чёрная, вросший в потолок нос) напрямую отсылают к образу мертвеца, трупа. Образ «избушки на курьих ножках» также соотносим с обрядом инициации, так как подобным образом выглядели ритуальные жилища, в которых проводили время молодые люди в период совершения обряда. Пройдя через все испытания, они перерождались в новом качестве. Их возвращение после инициации означало второе рождение, «воскрешение» человека (в данном случае — взрослого, полноправного члена коллектива) [7].

«Некоторые исследователи ведут родословную Бабы-яги от древнеславянской богини смерти, которая состояла в тесном родстве со змеей — символом смерти у некоторых племен. Возможно, и костяная нога происходит оттуда — предполагают, что Яга была первоначально одноногой, а потом уже преобразовалась в костяную. И даже имя ее выводят из общих арийских корней древних славян — от древнеиндийского санскритского Ахи —

змеи» [10]. На соположении славянских и индоарийских религиозных и магических терминов постороено исследование Н. Р. Гусевой «Арьи, славяне: соседство или родство» сопоставляет. В результате сопоставления мы видим следующее:

- в восточнославянских языках «**яга**» — ведьма, жаждущая смерти жертвы, стремящаяся сожрать кого-либо, живущая в древнем погребальном сооружении — домике на столбах (= «избушке на курьих ножках»). В славянском варианте «яга» — это ведьма, чаще всего жаждущая смерти жертвы; на санскрите данное понятие расшифровывается просто — «жертва»;

- на санскрите «**яга**»-«**яджа**» — жертва; ступа — погребальное сооружение, гроб [2, с. 85]. Что полностью подтверждает мнение В. Я. Проппа о том, что Яга — это мертвец. И образ Яги-похитительницы, которая перемещается в ступе и похищает детей, напрямую связан с образом смерти. Яга и есть смерть, забирающая в потусторонний мир души умерших. И если вспомнить суть обряда инициации, то Яга — тот самый дух, властелин иного мира, с которым должен встретиться посвящаемый (= временно «умерший»): «В лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей как цыплят» («Василиса Прекрасная») [1].

Яга в русской народной сказке является своего рода и хозяйкой леса и матерью животных; она наделяется ярко выраженными материнскими, женскими чертами, а такие её атрибуты, как ступа, пест, помело, печь, говорят о сущности хозяйки. Н. А. Криничная, рассматривая образ ведьмы, также особо подчеркивает у неё наличие «женских атрибутов» — помела, метлы, кочерги — и способность летать [3, с. 429]. Такой облик этого персонажа продиктован архаичной его связью с женским началом и древнейшим его восприятием.

Итак, народная сказка является отражением мировосприятия народа, его воззрений, страхов, размышлений об окружающем мире. Сказочные сюжеты, персонажи и поведение героев помогают пролить свет на образ жизни людей давно ушедших времён и лучше понять смысл обрядов, верований и картины мира в целом. Образ Бабы-яги в русском фольклоре сложен и несёт следы разных мифо-смысловых напластований. Яга, в первую очередь, сама является жертвой — «п्राжертвой». Лучше понять роль данного персонажа помогает «расшифровка обрядов инициации. Хозяйка, мать леса, лесной дух, ведьма, жаждущая смерти, пражертва — она требует себе все новых душ (жертв) для удовлетворения своей жертвенной сущности: «Забор вокруг избы из человеческих костей. На заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот — ноги человеческие, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами» («Василиса Прекрасная») [1].

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки. М. : Правда, 1982. 584 с.
2. Гусева, Н. Р. Арьи, славяне: соседство или родство // Древность: арьи, славяне. М. : Палея, 1996. 178 с.
3. Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
4. Мифы народов мира: в 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. – М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 1 : А–К. 673 с.
5. Нечаев, А. Н, Рыбакова Н. В. Русские народные сказки. М. : Московский рабочий, 1957. 400 с.
6. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 336 с.
7. Соколова, М. В. Феномен гостеприимства в русских народных сказках [Электронный ресурс] // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 8. URL: http://service-rusjournal.ru/index.php?do=cat&category=2013_8
8. Степанов, Ю. С. Баба-Яга // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
9. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. : Политиздат, 1980. 831 с.
10. Штемберг, А. С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 218–229.

~